

ДЕКАБРЬ ПОД МОСКВОЙ

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
1 9 4 2

А. СУРКОВ

ДЕКАБРЬ
ПОД
МОСКВОЙ

ФРОНТОВЫЕ СТИХИ
Июнь—декабрь 1941 года

Издательство ЦК ВЛКСМ
«Молодая гвардия»
1 9 4 2

КЛЯТВА ВОИНА

Я — русский человек, Иванов Петр, боец Красной армии.

Родина дала мне в руки винтовку и послала меня сражаться с черными ордами Гитлера, что вторглись на нашу землю.

Сталин сказал мне, что борьба будет кровавая, трудная, но победа будет за мной.

Я слушал Сталина, и я знаю: так будет! Ведь я — это сто девяносто три миллиона свободных советских людей. И каждому изго Гитлера горше смерти.

На полях великих сражений за родину познал я всю подлость врага, всю мерзость его разбойничьих дел.

Глаза мои видели тысячи трупов женщин и детей в придорожных канавах и на железнодорожных путях.

Они были исковерканы свинцом и рваным железом.
Их убили бомбы гитлеровских коршунов.

Кровь матерей, жён и беспробудно опозоренных и убитых, кровь забытых жён и детей запеклась в моем сердце, и от этой боли нет меры.

Стоны и вопли защитников стоят в моих ушах, выражая неслыханные страдания.

Я прошёл по руинам восточного и западного края моей родины. Я видел черные пепелища жилищ, разбитые вагоны, исковерканные фермы и развалины, в небе обрубки балок.

Сердце стучало, где здесь летали железные коршуны Гитлера — запомни это.

Я шел по полям моей родины. Выше головы поднимались колосья ржи и пшеницы. Колосья наклонялись ко мне близко-близко. Они шептали мне в уши:

„Ты наш хозяин! Ты своими руками взметал пары, взрыхлил землю для сева. Ты своими руками разбросал во влажную и мягкую, как пух, землю чистое и сильное зерно. Ты дал нам жизнь. И мы несем тебе жатву, богатую и обильную.“

Голодный разбойник, который не пахал, не сеял, идет сюда. Он хочет согнать на нивы покоренных рабов — для жатвы. Зерном, тобой возвращенным, тобой взлелеянным, он хочет набить свою ненасытную утробу.

Встань, мститель и защитник! Всею силой своей ненависти и ярости опрокинь чуждого врага!"

Я иду по городам моей родины. Каждый кирпич в домах, в церквях, мной возведенных, говорит мне:

„Для своего счастья и покоя ты искал и обжигал глину, чтобы были кирпичи. Для своего будущего ты молот цемент и на реке возводил стены дворцов и заводов.“

Гудят в небе воюющие моторы стальных коршунов. Тысячами бомб они грозят тому, что ты построил, что ты молот своим трудовым потом.

Встань, мститель и защитник! Прикрой богатерской грудью свои города, свои заводы, свои плотины, свои дворцы!"

Я слушаю голоса полей и городов. Они западают в мое сердце, и ненависть моя растет и крепнет.

Пока сердце мое бьется в груди, пока в жилах моих останется хоть капля горячей крови, я

понесу мою ненависть, как знамя, я испепелю своей ненавистью черные орды фашистов.

Слезы женщин и детей кипят в моем сердце. За эти слезы своей волчьей кровью ответит мне убийца Гитлер и его орды, ибо ненависть мстителя беспощадна.

Черный разбойник Гитлер вломился в мой дом, как ночной громила. Он занял мои города и ходит по моей земле.

Но рано разбойник торжествует победу.

Сто девяносто три миллиона ненавидящих людей— вот сила моей родины. Ее не развеют по ветру взрывы немецких бомб. Ее не подавят гусеницами немецкие танки. Ее не разобьют залпы всех немецких батарей. Ее не отравит паникой и провокацией подлая банда шпионов и диверсантов.

За каждую пядь земли будет бой кровавый и истребительный. На фронте я обессилю врага яростью атак. В тылу, на заводах я буду ковать оружие победы. Я измотаю черные немецкие орды пространствами русских лесов, степей и болот. Они утонут в этих пространствах, как утонули солдаты Наполеона Бонапарта.

Всеистребляющее время я возьму в свои помощники, и время убьет врага.

Я буду встречать врага выстрелами партизан из-за каждого куста и камня, из каждого оврага и пади. Я не дам ему покоя днем и ночью. И убью его непрерывной тревогой и страхом за его подлую жизнь.

Пламя ночных пожаров охватит дома и хаты, где ночуют насильники, и тот, кто лег спать вечером, не проснется утром.

Я крепко держу винтовку в руках. Я знаю врага и ненавижу его. Удар за ударом будет расти сила моего сопротивления. И сопротивление станет уничтожением.

Я погоню врага вспять. И не будет ему пощады. Правое мое дело — моя победа.

Ненависть — моя сила.

Ненавистью своей присягаю родине я, русский человек, красноармеец Иванов Петр.

И присяга моя крепче стали.

Июль 1941 г.

Я ПОЮ НЕНАВИСТЬ

* * *

Детей не ждет тепло родного крова,
В наплывах крови мертвая трава.
И вот в мои стихи приходят снова
Прямые и жестокие слова.

Нет твари бессердечней и бесчестней,
Чем злобный Гитлер, враг моей земли.
О, если бы поэты гневной песней
Врага, как сталью, поражать могли!

Всю ненависть, что в сердце накупела,
Прямым ударом, наотмашь, плеча,
Как сталь кинжала, я вонзил бы в тело
Пресыщенного кровью палача.

Но песне быть кинжалом не дано...
Шагай же, песня, с воинами вместе!
Пусть ненависти горькое зерно
В сердцах бойцов взойдет ростками мести.

Лишь в день победы мы вздохнем свободней,
В цветах увидим родину свою.
Во имя этой радости, сегодня
Я месть, и гнев, и ненависть пою.

* * *

Лес притаился, безмолвен и строг.
Звезды погасли, и месяц не светит.
На перекрестках разбитых дорог
Распяты взрывами малые дети.

Глохнут проклятья истерзанных жен.
Угли пожарища теплятся скупю.
Воздух разбитых траншей заражен
Приторным тленьем забытого трупа.

Замкнут страданья народного круг.
Ржавчину горя не смоешь слезами.
В ужас сожженных домов и лачуг
Смотрит убийца пустыми глазами.

Руки убийцы в крови и грязи,
Ржет он, клыки пожелтые щеря.
Мститель, над пламенем встань! Порази
В черное сердце пьяного зверя.

* * *

Толпы людей, без конца и числа,
Шли нам навстречу в предутренней рани.
Помню: старуха козленка вела,
Девочка в тонких ручонках несла
Маленький, чахлый кустик герани.
Гнал их из города ужас ночной,
Пламя ревело за их спиной.

Дороги дальние пыльны.
Устали. Скоро ли вода?
Где гложнут голоса войны,
Где в поле взмахи жней дружны,
От фронта, в глубину страны
Народ ведет свои стада.
Сидят доярки на возах.
Идут понуро старики.
И скорбь и нежность в их глазах,
Как темный омут, глубоки.
Слеза не скатится с ресниц
На придорожный краснотал.
С кольцом в ноздре шагает швиц,
Идет за возом симментал.
И вслед за матками пылят
Ватаги дымчатых телят.
Июльский день идет к концу.
Стрекочет триер на току.
Пастух пугливую овцу

Выносит вброд через реку.
Он смотрит долго на закат,
В туман, в бескрайные поля,—
Там теплый мир отцовских хат,
Его сады, его поля.
Пылят усталые стада.
Блеснула первая звезда.
Пастух на берегу реки
Стоит, сжимая кулаки.

Пройдя сквозь строй железных гроз,
Узнав, что дом с семьей сгорел,
Он от невыплаканных слез
Лицом и сердцем почернел.
Под елью он сидит в тени,
У ног его бежит река.
В глаза товарищу взгляни,
И ты поймешь, как месть сладка.

* * *

Он мне сказал, отходя ко сну:
— Черные тени в глазах рябят.
Только забудусь — вижу жену,
Только забудусь — вижу ребят.
Мертвые дети мерещатся мне.
Дрожь пробегает с волос до пят.
...Вот почему в ночной тишине
Крепкие зубы его скрипят.

* * *

Сказав убитому: «Лежи, дружок!»,
Он к двери привалил тяжелый камень.
Большими, недрожащими руками
Он кровный дом со всех сторон поджег.
Скрываясь в ночь, он слышал вой, и крик,
И посвист пуль над переспелой рожью.
На грани дня взлохмаченный старик
В лесной отряд пришел по бездорожью.
Он все решил. Прекрасна и грозна,
Его ведет народная война.

* * *

Человек склонился над водой
И увидел вдруг, что он седой.
Человеку было двадцать лет.
Над лесным ручьем он дал обет
Беспощадно, яростно казнить
Тех людей, что рвутся на восток.
Кто его посмеет обвинить,
Если будет он в бою жесток?

* * *

В пустых дворах бездомный ветер рыщет,
Повалены заборы и плетни.
Взгляни, боец, на эти пепелища,
На эти трупы черные взгляни.

Горька гримаса боли неживая,
И налит гневом неподвижный взгляд.
То мертвецы, о мщении взывая,
Живому быть безжалостным велят.

* * *

Грузовики, рыча, неслись куда-то,
Валялись трупы беженцев в пыли,
Два пехотинца пленного солдата
С передовых в армейский штаб вели.

У самого шоссе, воронку вырыв,
Убила бомба четверых ребят.
И, побледнев, один из конвоиров
Занес над немцем кованый приклад.

Другой взглянул в глаза и понял сразу,
И на плечо легла его рука.
— Уйми себя... Не надо... По приказу
Мы в штаб живым доставим «языка».

Был день. Был зной. Горела ярко хата.
Вой «Мессершмиттов» замирал вдали.
Два пехотинца пленного солдата,
Скрипя зубами, по шоссе вели.

* * *

Снова этот долгий, прерывистый вой
Возник в облаках над моей головой.
Впиваются пальцы в сухую траву:
Летят самолеты врага на Москву.
Товарищ мой, стиснув виски, говорит:
— Алеша, в груди моей сердце горит!
Зачем ты, природа, мне не дала
Широкие, дерзкие крылья орла,
Чтоб прынул я в звездную высь, как гроза,
Чтоб вырвал я клювом ассам глаза,
Чтоб сильным крылом, как могучей стеной,
Прикрыл в эту полночь город родной!

Товарищ другой приподнялся слегка,
Потрогал холодные грани штыка,
И мы услышали глухие слова:
— Клянусь тебе жизнью, родная Москва,
За кровь на асфальте, за женщин в слезах,
За ужас в бессонных ребячьих глазах,
За взорванный бомбами детский уют,
За каждый кирпич, что они разобьют,
За каждый квартал, укутанный в дым,
Мы страшной расплатой врагу воздадим!

* * *

Как птиц к разбитому гнездовью,
К руинам вас влечет война.
Опять земля еврейской кровью
На сотни верст обагрена.
Вот женщина под ношей горя
Сломилась, встала при пути.
Куда ей, с черным рюком споря,
От этих пепелищ итти?

Над серым пеплом встань, Рахиль,
Стряхни с одежды ветхой пыль.
Взгляни —

тоску веков развеяв,
Встал мститель, сын твоей любви,
Красноармеец Гирш Леви —
Потомок гордых Маккавеев.

* * *

Враг вошел в мой дом и разбил
И развеял в пыли дорог
Все, что я растил и любил,
Как зеницу ока, берег.

За тяжелый топор отца
Я во имя любви берусь.
Быть безжалостным до конца
Я клянусь тебе, Белорусь!

Невидимкою ночь и день
По горячим следам врага
Неотступно ползу, как тень,
Сквозь трущобы, через луга.

Я пойду по его следам,
Пулей встречу из-за плетня,
Я покоя ему не дам,
Сердце ужасом леденя.

И воздаст ему кровь за кровь
Мой не знающий меры гнев,
За разрушенный отчий кров,
За потоптанный мой посев;

За возвращенные мной сады,
За короткий сыновий век
И за каждый глоток воды
Из моих белорусских рек.

Я победой закончу спор,
Пересохнет крови река.
А порукой тому топор,
И граната, и сталь штыка.

***ОНИ НЕ ВЕРНУТСЯ
С ВОСТОКА***

Над выжженной землею пыль клубится.
На пепелищах пляшет воронья.
Народам мира ты, народ-убийца,
Что скажешь в оправдание свое?
Где ты прошел, там кровь и трупов горы
И явь страшней, чем бредовые сны.
Кто звал тебя в цветущие просторы
Свободной, мирной, солнечной страны?
Иссякла сила духа, что взрастила
Плеяду светлых гениев земли.
На смену им пришел дикарь Аттила,
И внуки волчьей шерстью обросли.
Где ты прошел, там слезы, кровь и злоба,
И проклят миром твой разбойный род.
Когда б великий Гёте встал из гроба,
Он не узнал бы свой родной народ.
Подслушав сердцем жалобы и стоны
В кромешной тьме коричневых ночей,
Он проклял бы родительское лоно,
Извергшее убийц и палачей.

* * *

В смертном ознобе под ветром трепещет осина.
Окна распахнуты настежь. Темная хата пуста.
Мать причитает над трупом убитого сына.
Вдаль без пути, без дороги тихо бредет сирота.
Ворон могильщик, от пепла горячего серый,
Падает в черную ночь с обгорелых ворот..
Пламенем, сталью и мстостью, не знающей меры,
Будет платить по кровавому счету народ.
Ненависть в сердце, как порох сухой, пронесли мы.
Скоро окрепнут морозы. В поле завоюет пурга.
Воины-мстители встанут яростны, неумолимы,
Грозной, карающей силой выйдут по следу врага.
Будет земля под ногами врага расступаться.
Мстящее пламя пройдет от стрехи до стрехи.
Горе вам, девушки Шлезвига, Шварцвальда,

Граца!

Не возвратятся с Востока в свадебный день
женихи.

Смерть их настигнет в каждом лесу и долине,
Каждое дерево встретит смертным ожогом ружья.
Горе вам, жены в Мюнхене, Кёльне, Берлине!
Не возвратятся с Востока к вашему крову мужа.
Смерть их настигнет, в какую ни прятались
щель бы,

Ярость сожжет их, как жжет сорняки суховой.
Горе вам, матери с Одера, Рейна и Эльбы!
Вам не дожидаться с Востока, вам не встречать
сыновей.
Не возвратится ваш выводок волчий с Востока,
Орды пришельцев утонут в черной горячей крови.
Именем жизни клянемся — мстить, истребляя
жестоко,
И ненавидеть клянемся — именем нашей любви.

* * *

Без конца и без края багровые зарева.
Тяжелы по дорогам чужие шаги.
Что же? Рви, издевайся, ломай, разбазаривай,
Наши теплые гнезда без жалости жги!
Нет пощады ни хрупкому детству, ни старости.
Опозорена дочь на могиле отца.
Не уйдешь ты, палач, от карающей ярости,
Что обуглила русские наши сердца.
Все, что втоптанно в грязь, сожжено и загублено,
Синий трупик младенца и мертвый завод,
В русском сердце дымящейся раной зарублено,
Вопиет о расплате, возмездия ждет.
Встанет витязь могучий, воспетый былинами.
Голова чужеземца повалится с плеч.
Видишь — Русь над умытыми кровью равнинами
Подняла богатырский карающий меч.

* * *

Чтоб снова песнею могучей
Гремел труда победный шаг,
Чтоб в древнем Киеве над кручей
Взвился сквозь ветер красный флаг,
Чтоб над Москвой и Ленинградом
Сверкали мирные огни, —
Срази врага! Добей прикладом
И через труп перешагни.

***ВРАГИ НЕ ПРОЙДУТ
К МОСКВЕ***

ЗА НАШЕЙ СПИНОЙ МОСКВА

Огня горячее и тверже стали
Отважных бойцов сердца.
По зову вождя мы под знамя встали
Разить ураганом свинца.
Мы дали отчизне своей присягу,
Огнем подкрепим слова.
Вперед! В наступленье! Назад ни шагу!
За нашей спиной Москва.

Над морем хлебов в рассветном тумане,
Как свечи, горят штыки.
Идут москвичи, уральцы, волжане,
Смоленцы, сибиряки.
В наших сердцах мы несем отвагу.
Грозна штыков синева.
Вперед! В наступленье! Назад ни шагу!
За нашей спиной Москва.

В полях, на лугах, по лесам зеленым
В суровый и грозный год,
Могуч и бесстрашен, стальным заслоном
Встает богатырь-народ.
Верны мы вождю и красному флагу,
В нас гордость отцов жива.

Вперед! В наступленье! Назад ни шагу!
За нашей спиной Москва.

За кровь и пожары, за слезы и горе,
Что в сердце несет страна,
Отплатим кровавой фашистской своре
Огнем и мечом сполна.
Гони их в болотную топь, к оврагу,
Стреляй из каждого рва!
Вперед! В наступленье! Назад ни шагу!
За нашей спиной Москва.

ВРАГИ НЕ ПРОЙДУТ К МОСКВЕ

Мы вышли на бой беспощадный и правый —
Враг к сердцу страны идет.
И в памяти нашей суровый, кровавый
Встает девятнадцатый год.
Сурового года геройские были
Нетленны в народной молве.
Мы грудью столицу свою прикрыли —
Враги не пройдут к Москве!

За каждый заложенный в стройку камень,
За каждый дом и завод,
За мир, возведенный своими руками,
Сражается наш народ.
Своих эскадрилий орлиные крылья
Народ распростер в синеве.
Мы грудью столицу свою прикрыли —
Враги не пройдут к Москве!

В сердцах наших зреет одна забота —
Москвы рубежи близки!
В огне в контратаки идет пехота,
К винтовкам примкнув штыки.
Тяжелые танки пути проторили
По мокрой от крови траве.

Мы грудью столицу свою прикрыли —
Враги не пройдут к Москве!

Сквозь черные тучи военного дыма
Мы шагом идем молодым.
За сердце отчизны, за город родимый
Мы жизни свои отдадим.
Подкошенной залпами вражьей силе
Лежать голова к голове.
Мы грудью отчизну свою прикрыли —
Враги не пройдут к Москве!

МОСКВИЧИ ИДУТ В БОЙ

Девятнадцатый год. На ветру полыхают знамена.
Под запекшейся кровью не видно осенней травы.
Это люди с Трехгорки, с Бромлея, с «Динамо»,
с Гужона
Гневным шквалом атаки гонят врага от Москвы.

Это наши отцы из Рогожской, с Башиловки,
с Пресни.
Их геройством была в эту осень Россия сильна.
Мы сложили о подвигах их богатырские песни,
Записали в историю золотом их имена.

О бессмертии их стоголосые пушки кричали,
Звонко вторила им пулеметная строгая речь.
Те, кто пали в сраженьях, своим сыновьям
завещали
Пуще сердца и глаза родную столицу беречь.

Вспомним этот завет в октябре сорок первого года.
Полыхают знамена. И путь наш начертан штыком.
Хочет Гитлер прорваться к горячему сердцу
народа,
В двери нашей столицы стучит броневым кулаком.

Твердым шагом идут батальоны в туманные дали.
Сталь штыков, как рабочая воля, светла и строга.
Мы великому Сталину клятву суровую дали —
Отогнать от Москвы броневые колонны врага.

Точен глаз на прицеле. Не дрогнут рабочие руки.
Мы врагов-чужеземцев сожжем, как сухую траву.
Дальним правнукам скажут свободные, гордые
внуки:
— Наши деды-орлы в октябре отстояли Москву.

ПЕРВЫЙ БОЙ

Октябрьская полночь сыра и сера.
Ни закурить. Ни разжечь костра.
В лесу, где дорога, где мост и ручей,
В засаду залег батальон москвичей.

Навстречу опасности с фронта труда
Пришли эти русские люди сюда,
Чтоб в полночь беззвездную, в первом бою
Сразиться с врагом за столицу свою.

Бутылки с бензином и связки гранат.
Двенадцать ровесников рядом лежат.
Двенадцать парней с одного двора —
Прославленных наших цехов мастера.

Грохочет металл. Проступают из мглы
Коротких орудий литые стволы.
И первого танка широкая грудь
Раздвинула плотную серую муть.

Рвет нервы скрежещущих гусениц крик.
Но каждый подросток к металлу привык.
Навстречу железному лязгу летят
Бутылки с бензином и связки гранат.

Огонь над железом бушует в ночи.
Замешкались танки. Вперед, москвичи!
Не дрогнут в крутую минуту сердца.
И ярости хватит, и хватит свинца.

Гремели орудия ночь напролет,
Неровную строчку строчил пулемет.
Ходили в атаку в раскатах «ура»
Двенадцать парней с одного двора.

Когда от стрельбы раскалились стволы,
Ракеты взлетели над пологом мглы.
В лесу, где дорога, где мост и ручей,
Атаку отбил батальон москвичей.

ПЕСНЯ ЗАЩИТНИКОВ МОСКВЫ

Мы не дрогнем в бою
За столицу свою.
Нам родная Москва дорога.
Нерушимой стеной,
Обороной стальной
Остановим,
Отбросим врага.

В атаку, стальными рядами,
Мы поступью твердой идем.
Родная столица за нами!
Рубеж нам назначен вождем.

На марше равняются взводы.
Гудит под ногами земля.
За нами дворцы и заводы,
Высокие звезды Кремля.

Для счастья своими руками
Мы строили город родной,
За каждый расколотый камень
Отплатим мы страшной ценой.

Дал Сталин нам волю и силу.
Горяч наш порыв боевой.

Мы выроем немцам могилу
В холодных полях под Москвой.

Мы не дрогнем в бою
За столицу свою.
Нам родная Москва дорога.
Нерушимой стеной,
Обороной стальной
Остановим,
Отбросим врага.

РАСПЛАТА

На запад трусливо бежит убийца,
Оставив кровавый след.
От гнева народа нигде не скрыться.
От мести спасенья нет!

Борам и насильникам нет пощады!
Разящая сталь строга.
Сквозь ветер и холод идут отряды
По волчьим следам врага.

Идем мы, преграды с пути сметая.
Расплата за кровь близка.
Получит фашистская злая стая
Смертельный удар штыка.

Достанем снарядом, пулей догоним,
Гранатой собьем на бегу.
Немецких разбойников всех похороним
В студеном русском снегу.

Пусть кровью окрасится белый иней
И хлынет свинцом синева.
Пусть вечно стоит нерушимой твердыней
Родная наша Москва.

Д Е К А Б Р Ъ

* * *

Подошла война к Подмосковию.
Ночь в накале зарев долга.
Будто русской жертвенной кровью
До земли намокли снега.

По дорогам гремят тачанки.
Эскадроны проходят вскачь.
Приготовились к бою танки
Возле стен подмосковных дач.

Стук подков на морозе четче.
В пар укутан блиндажный лаз.
Молодой москвич-пулеметчик
С темной рожи не сводит глаз.

Будто руки окаменели,
Будто вкопан он в грунт, во рву...
Этот парень в серой шинели
Не пропустит врага в Москву.

* * *

Как долга эта зимняя ночь!
Ждать урочного часа невмочь.
Таает в облаке трепетный свет
Осторожных немецких ракет.

Прянет залп — и опять тишина.
А стрелкам в эту ночь не до сна.
Примыкая к винтовкам штыки,
Ждут сигнала атаки стрелки.

Хрустнул снег. Покачнулся плетень.
Промелькнула разведчика тень.
Над седой от мороза травой,
Стиснув зубы, стоит часовой.

* * *

Шуршит по крышам снеговая крупка.
На Спасской башне полночь бьют часы.
Знакомая негаснущая трубка,
Чуть тронутые проседью усы.

Он наш корабль к победам вел сквозь годы,
Для нашей славы временем храним.
И в эту ночь над картой все народы
В седом Кремле склонились вместе с ним.

На карте фронт узорной вязью вьется.
И он, нацелясь в черные кружки,
Привычным, точным жестом полководца
Отодвигает к западу флажки.

Он встал над фронтом, над Москвой, над
нами,
Он руку к западу простер свою.
— Путь осенит вас ленинское знамя,
Сыны мои, в решительном бою!

* * *

Вот и дни атаки наступили,
Вот и дрогнул гитлеровский сброд.
В белом облаке морозной пыли
Танк несется с грохотом вперед.

Танк рычит на резком развороте,
И из люка танка в гром и грай
Башенный стрелок кричит пехоте:
— Нажимай, родная, нажимай!

* * *

В густом дыму пожаров даль седая.
Широк великой битвы разворот.
Колонны танков, с флангов наседая,
Неудержимо движутся вперед.

Саперы ищут под хрустящим снегом
Чужих сапер коварные следы.
Из белой рощи конница набегом
Врубается в орущие ряды.

И пехотинцы в грохоте орудий
Идут, не наклоня головы.
Запомни их, товарищ! Эти люди
Фашистов отогнали от Москвы.

* * *

Декабрь по дорогам гонит пургу.
Немецкий мертвец лежит на снегу.
Русская мать с потемневшим лицом
Склонилась над мертвецом.
Глухо сказала, платок теребя:
— Нечем мне, парень, оплакать тебя.
Высохла слез моих горьких река —
Ты заколол моего старика.
Сын у меня единственный был —
Ты его, волчье отродье, убил...

* * *

Исковерканы взрывом пути полустанка.
Снег расчерчен следами бесчисленных лыж.
На разбитую башню немецкого танка
По обугленным ребрам взобрался малыш.

Зябко ежась и брови сдвигая упрямо,
Показал на чужих мертвецов у двора:
— Это их за папаню, Серегу и маму
Наши дяди-танкисты побили вчера.

* * *

Вот бомбами разметанная гать,
Подбитых танков черная стена.
От этой гати покати́лась вспя́ть
Немецкая железная волна.

Здесь вмяты в снеговую целину
Стальные каски, плоские штыки.
Отсюда, в первый раз за всю войну,
Вперед, на запад, хлынули полки.

Мы в песнях для потомства сбережем
Названья тех сгоревших деревень,
Где за последним, горьким рубежом
Кончалась ночь и начинался день.

ПЕСНЯ СМЕЛЫХ

ПЕСНЯ СМЕЛЫХ

Стелются черные тучи,
Молнии в небе снуют.
В облаке пыли летучей
Трубы тревогу поют.
С бандой фашистов сразиться
Сталин отважных зовет.
Смелого — пуля боится,
Смелого — штык не берет.

Ринулись ввысь самолеты,
Двинулся танковый строй.
С песней пехотные роты
Вышли за родину в бой.
Песня — крылатая птица —
Смелых скликает в поход.
Смелого — пуля боится,
Смелого — штык не берет.

Славой бессмертной покроем
В битвах свои имена,
Только отважным героям
Радость победы дана.
Смелый к победе стремится.
Смелым — дорога вперед.

Смелого — пуля боится,
Смелого — штык не берет.

Смелый дерется с врагами,
Жизни своей не щадя.
Смелый пронесит, как знамя,
Светлое имя вождя.
Смелыми Сталин гордится.
Смелого любит народ.
Смелого — пуля боится,
Смелого — штык не берет.

ПРИСЯГАЕМ ПОБЕДОЙ

В нашу дверь постучался прикладом непрощенный
гость.

Над отчизной дыханье грозы пронеслось.
Слушай, Родина!

В грозное время войны
Присягают победой твои боевые сыны.
Каждым колосом наших колхозных полей,
Трубным гулом моторов и шелестом тополей,
Жизнью наших детей мы клянемся сегодня тебе
Смять фашистскую гадину в грозной, суровой
борьбе.

Наше сердце — каленая сталь штыка.

Наше сердце — стремительный взлет клинка.

Крепко держит винтовку рука.

Слышишь, Родина, гулом наполнились степи и
горы —

Это соколы наши для боя заводят моторы.

Слышишь, Родина, гром загудел по оврагам —
Это танки идут на врага сокрушительным шагом.
Слышишь, Родина, залпы вскипают, грозны —
Это пушки запели победную песню войны.
Видишь, Родина, пыль над полями легла —
Это наша пехота в штыки на фашистов пошла.
Видишь, пыль поднялась, на карьере звенят
стремена —
Это конница наша несется, как шторм океанский,
грозна.
Слышишь голос сирен — это вышли в морские
просторы
Крейсера и эсминцы, подводные лодки, линкоры.
Слышишь, сталь, созревая в мартенах, поет,
Слышишь, трактор по полю на юге комбайны
ведет —
Это встал для победного боя советский народ.
Грозным взглядом окинул отчизны бескрайнюю
ширь
Закаленный в сраженьях советский народ —
богатырь.
Мы проучим налетчиков в жарком бою.
Мы раздавим коричневую змею.
В наше завтра мы прямо и смело глядим.

Сталин знамя победы
Вручает бойцам молодым.
Мы под знаменем этим
Пройдем сквозь разрывы и дым.
Под знаменами славы
За землю родную борясь,
Мы стальным ураганом
Развеем фашистскую мразь.
Бить фашистов,
Не зная пощады в борьбе,
В первый день испытаний,
Отчизна, клянемся тебе.

ДВОЕ

Их было двое. Враг их окружал.
Один, крича и плача, побежал.
Четыре вспышки выстрелов блеснули,
И в спину беглеца впились четыре пули.
Другой боец не отступил ни шагу.
Он встретил в лоб орущую ватагу.
Поднявшись в рост над рыжим бугорком,
Спружинив мышцы мускулов упруго,
Разил гранатами, колол штыком
И вырвался из замкнутого круга,
Десятерых на месте уложив.
Он жизнь любил. И он остался жив.

РАЗВЕДЧИК ПАШКОВ

Видно, был я в тот вечер в разведке плох,
Видно, хитростью я ослаб.

Заманили в засаду, взяли врасплох,

Притащили к начальству, в штаб.

«Парабеллум» приставили мне к виску.

— Говори, подлец, не крути!

Сколько красных в лесу?

— Как в море песку!

— Сколько пушек?

— Пойди сочти! —

Тут начальник всердцах раскрыл мне бровь,

Приказал щекотать штыком.

— Отвечай на вопросы, собачья кровь,

Не прикидывайся дураком!

В трех соснах, — говорит, — подлец, не кружись,

Отвечай, подлец, не грубя.

Скажешь правду — в награду получишь жизнь,

Утаишь — пеняй на себя... —

Если бьют тебя наотмашь, боль сильна.

Это надо, браток, понять.

Я прикинул в уме — дорога цена,

И решил на себя пенять.

Рвали руки мне раз, и другой, и пять...

Били в спину и по плечу.

Мне о том, понимаешь, жуть вспоминать.
Я о том вспоминать не хочу.
Видит главный — пытка меня не берет,
Разорвал протокол со зла.
Дали в руки лопату.

— Топай вперед! —

Повели меня из села.
Сам себе я взбивал земляную постель,
И меня торопил приклад.
Для неважных стрелков хорошая цель —
Безоружный красный солдат.
Разомкнули они над могилой кольцо.
Бить в упор — не большая честь!
Сколько вспышек ударило мне в лицо,
Я не мог, понимаешь, счесть.
Я в готовую яму упал ничком.
Под рубахой жжет горячо.
Офицер подошел, ударил носком,
Сверху пулей обжег плечо.
Я лежу, не дышу, мертвяк мертвяком.
Порешили, что амба мне.
Застучали лопаты. Глиняный ком
Холодком прошел по спине.
Закопали в могилу, ушли в село.
Тяжким грузом сдавило грудь.
Шевельну ногами, а ноги свело,
Глиной рот забит, не вздохнуть.
Задохнуться в могиле какая сласть?
Стал пытать я судьбу-каргу.
И откуда вдруг сила во мне взялась,
До сих пор понять не могу.
Повернулся. Землю руками разгроб.
Сам себя ощупал — живой!
Под ногами холодный глиняный гроб,
Небо в звездах над головой.
Целовал я холодные комья земли,

Уползая к ребятам, в лес.
В десять тридцать меня враги погребли,
А в одиннадцать я воскрес.
Через день после первых моих похорон
Я про раны свои забыл,
И опять досылаю в патронник патрон,
И своих могильщиков бил.

РАДИСТ МОРОЗОВ

В резком треске разрядов шуршат слова.
Пропадут и возникнут вновь:
«Горький, слушай меня! Говорит Москва!
Немец близок! Шрапнель готовь!
Вот они обошли леском бугорок.
Вот бегут за танком вдогонь.
Вот столпились они на кресте дорог.
Трубка шесть! Батарея, огонь!»
Разлетелась от выстрелов стая ворон.
Низко стелется едкий чад.
Обступают радиста со всех сторон.
— Сдайся, русский солдат! — кричат.
Но фашистов вой и шрапнели свист
Не сильны заглушить слова.
— Я не сдамся врагу, — говорит радист, —
Я умру за тебя, Москва.
Влево точку прицела, наводчик, сдвинь! —
И замолк, не договорив.
Донесла до друзей холодная синь
Одинокий короткий взрыв.
.
В желтом золоте листьев блестят штыки.
Смолк в наушниках треск и вой.
Поднимаясь под пулями, сжав кулаки,
Батальоны вступали в бой,

Шла пехота в штыки. В этот грозный час
Под огнем не ломался строй.
Мы дрались за родную столицу, нас
Вел твой подвиг радист-герой.
Пусть бушует война, беспощадна и зла.
Песня доблести, гордо рей!
Слава Родине-матери, что подняла
Племя новых богатырей!

ДЕД ТАЛАШ

(Посвящается белорусским партизанам)

Над Полесьем ночи мглисты,
Ходит жуть, травой шурша.
Спят немецкие фашисты
В новой хате Талаша.
Сруб сосновый сух, как порох,
Злой огонь сильней свинца.
Часовым не слышен шорох
За плетнем и у крыльца.
Пламя сбило сумрак серый,
Чья-то тень метнулась прочь.
Не расскажут офицеры,
Что им снилось в эту ночь.

Тлеют звезды над полями,
Синей дымкой лес одет.
С партизанами-сынами

Лег в засаду старый дед.
Ночью выстрелы гремели,
Вражьи конников круша.
На шляху слышали ели
Гневный голос Талаша.
На шляху, где лес и пажить,
Трупы выложены в ряд.
Что тут было? Кто расскажет?
Мертвецы не говорят.

Где шумит лесок зеленый,
Где желтеет житный плёс,
Темной ночью эшелоны
Полетели под откос.
На пустынном полустанке
Часовой лежит в пыли.
Партизаны вражьи танки
На стоянке подожгли.
Мимо просек, мимо пасек
Ходит мститель — седой дед,
Легкой тенью внук Михасик
Покрывает дедов след.

По болотам, по оврагам,
То в землянку, то в шалаш

Молодым бойцовским шагом
Ходит старый дед Талаш.
Из-за Припяти и Сожа,
Непреклонна и грозна,
Старикам и молодежи
Поступь мстителя слышна.
Дед Талаш не горбит спину,
Пламя бьет из-под бровей,
В бой за родную краину
Дед скликает сыновей.

ГВАРДЕЙЦЫ

В такт гулким залпам батарей
Колышутся штыки.
Идут полки богатырей,
Гвардейские полки.

Снаряда свист и вой свинца
Не остановит их.
Грозой испытаны сердца
В тревогах боевых.

Отчизна — смелому броня,
И ей верны стрелки.
Рождались в битвах, из огня
Гвардейские полки.

У дальних рубежей Москвы,
Бесстрашны и сильны,
Они сражаются, как львы,
За честь родной страны.

Когда они идут вперед,
По ярости атак

И по ударам узнает
Их днем и ночью враг.

Вождю верны, в бою грозны,
Как сталь штыка, крепки
Народа воины-сыны —
Гвардейские полки.

ВПЕРЕД, БОГАТЫРИ, ВПЕРЕД!

Сынов народ
На бой ведет.
Героям страх неведом.
Вперед, богатыри, вперед!
Отвага города берет,
В атаках — путь к победам.

Широк орлиных крыл размах,
Окрепла в битвах сила.
В метелях наших и снегах
Фашистов ждет могила.

За слезы наших матерей,
За выжженные хаты
Идет для бешеных зверей
Жестокий час расплаты.

Народных мстителей сердца
Тверды и непреклонны.
Развеем яростью свинца
Немецкие колонны.

Перед танкистом и стрелком
Дрожит фашист проклятый.

Стреляй в упор, коли штыком,
Круши врага гранатой!

Сигнал атаки дан вождем!
Открыта даль седая.
По трупам вражеским идем,
Разя и побеждая.

Сынsv народ
На бой ведет.
Героям страх неведом.
Вперед, богатыри, вперед!
Отвага города берет,
В атаках — путь к победам!

КРОВЬЮ СЕРДЦА

* * *

Когда мы в поле, на ветру стоим
И нас встречает ураган свинца,
Как в дни работы, именем твоим
Окрылены бойцов сердца.

Грохочут пушки, и свистит шрапнель,
Но цель ясна, и страха нет в груди.
Твою красноармейскую шинель
Боец в атаке видит впереди.

И перед каждым новым рубежом,
Когда вступает смерть в свои права,
Мы, как святыню, в сердце бережем
Твои простые, ясные слова.

Пусть мы не все под отчий кров придем.
Отца сменяя, сын возьмет ружье.
К победе путь указан мне вождем,
И коммунизм — бессмертие мое.

* * *

Обходя караулы, к снегам припадая,
Целиной, без дорог, под немецким свинцом
В полк пришла по пороше прямая, седая,
С потемневшим от горя суровым лицом.
Рассказала, как сына послали на муку,
Рассказала, как дом до рассвета горел...
Ей полковник пожал узловатую руку,
Вспомнил детство, и обнял, и лаской согрел.
Он провел партизанскую мать перед строем,
Мимо танков и пушек, укрытых в кусты.
Он сказал ей: — Мы новую хату построим,
В палисаднике новом посадим цветы.
Не дадим мы слезе материнской пролиться,
Не продрогнет на холоде старость твоя.
Глянь в глаза нам, запомни повадку и лица.
Все мы — русские, все мы — твои сыновья.

* * *

Мой сын синеглазый!
В тревожные, грозные дни
Прочти эти строчки
И в памяти их сохрани.
Я жить, побеждая, хочу,
Но война есть война.
И если фашистская пуля
Мой путь оборвет,
Заменит отца тебе
Наша большая страна,
И сердце мое
В твоей груди оживет.
Я в трудное время
Исполню свой долг до конца.
Тебе не придется краснеть,
Вспоминая отца.

* * *

Стали в августе ночи длинные, темны.
Осень в стекла стучит дождем.
Дочка шепчет: — Мама, дойдем до войны
И его домой приведем.

— Что ты, ласточка! Слышишь, как плачет дождь?
Заплутала в дожде луна.
Разве ты его в дальних лесах найдешь?
Ночь сегодня темным-темна.

Спи, забудься, касатка! Дыши легко.
Перепутала ночь пути.
Ты совсем еще крошка. Война далеко,
И тебе до нее не дойти.

Мы в письме нарисуем ручку твою,
А письмо отдадим стрижу.
Хочешь, доченька, песню тебе спю?
Хочешь, сказочку расскажу?

Глухо капли дождя по стеклу стучат.
Притаился ребенок, смолк...
— На добычу поджарых своих волчат
Вывел тощий немецкий волк.

По околицам наших колхозных хат
Тощий волк в темноте снует.
Гложет слабые кости малых ребят,
Кровь горячую жадно пьет.

Волк ползет по просторам твоей земли,
Хочет крови твоей добыть.
Чтобы войны наши домой пришли,
Надо злого волка убить.

Твой отец с победой вернется домой,
Приласкает дочку свою.
Ты уснула, пушистый зайчонок мой.
Баю-баюшки, баю-баю!..

* * *

Ветер в чаще лесной поет,
В белом инее сталь штыка.
Получил я письмо твое
Издалека, издалека.

Будто сразу ушла зима
И весна пришла к шалашу.
Я тепло твоего письма
Неразлучно с собой ношу.

В этой дикой лесной глуши,
Где покоя и крова нет,
Я приветом твоей души
На холодном ветру содрет.

Пусть седая пурга поет.
Пусть декабрьская стужа зла.
В песнях родина нам дает
Щедрый дар своего тепла.

С. А. Кривс

* * *

Бьется в тесной печурке огонь.
На поленьях смола, как слеза.
И поет мне в землянке гармонь
Про улыбку твою и глаза.

О тебе мне шептали кусты
В белоснежных полях под Москвой.
Я хочу, чтобы слышала ты,
Как тоскует мой голос живой.

Ты сейчас далеко-далеко.
Между нами снега и пурга.
До тебя мне дойти не легко,
А до смерти — четыре шага.

Пой, гармоника, вьюге назло,
Заплутавшее счастье зови.
Мне в холодной землянке тепло
От моей негасимой любви.

* * *

Устали... Отчаянный выпал денек!
Шесть танков спалили у склона.
На корточках сидя, заснул паренек
В землянке разведбатальона.

Снаряды кромсают чернильную тьму,
И поле снегами одето.
А парень разнежился. Снится ему
Весна, уходящая в лето.

Такая вокруг тишина и покой,
Что слышно сердце порестуки.
Идет он над Волгой, сжимая рукой
Горячие девичьи руки.

Поет соловейко на медной сосне.
Туманы колышутся зыбко.
И улыбается парень во сне
Совсем не военной улыбкой.

По циферблату скользнул огонек.
Час полночи. Час пробужденья.
В ночную разведку ушел паренек,
Согретый теплом сновиденья.

*М. Слободскому,
О. Верейскому*

* * *

В полях ревет, по-волчьи зла,
Седой пурги труба.
Под кровлю братства нас свела
Солдатская судьба.

Морщины не сотрешь с лица,
И не солгут глаза.
Сгибала волю, жгла сердца
Железная гроза.

Но на войне, как на войне.
В жестоком, злом году
Плечо к плечу, спина к спине
Встречали мы беду.

Мы всё делили на троих —
Сомненья, горечь, труд,
Едва созревший в сердце стих,
Блиндажный наш уют.

Мы ночью верили в рассвет,
Встающий на крови.
Мы знали, что без гнева нет
Ни счастья, ни любви.

И в редкий час, когда вина
Добыть нам довелось,
Мы пили залпом и до дна
За ненависть и злость.

Тяжелый путь нам веком дан,
Но песню впрок готовь.
Придет пора поднять стакан
За братство и любовь.

СОДЕРЖАНИЕ

Клятва воина	5
------------------------	---

Я пою ненависть

Детей не ждет тепло родного крова...	13
Лес притаился, безмолвен и строг...	14
Толпы людей, без конца и числа...	15
Дороги дальние пыльны...	16
Пройдя сквозь строй железных гроз...	18
Он мне сказал, отходя ко сну...	19
Сказав убитому: „Лежи, дружок!“...	20
Человек склонился над водой...	21
В пустых дворах бездомный ветер рыщет...	22
Грузовики, рыча, неслись куда-то...	23
Опять этот долгий, прерывистый вой...	24
Как птиц к разбитому гнездовью...	25
Враг вошел в мой дом...	26

Они не вернутся с Востока

Над выжженной землею пыль клубится	31
В смертном ознобе под ветром трепещет осна...	32
Вез конца и без края багровые зарева...	34
Чтоб снова песнею могучей...	35
Курганами славы покрыта родная равнина...	36

Враги не пройдут к Москве

За нашей спиной Москва	39
Враги не пройдут к Москве	41
Москвичи идут в бой	43
Первый бой	45
Песня защитников Москвы	47
Расплата	49

Декабрь

Подошла война к Подмосквью...	53
Как долга эта зимняя ночь!..	54
Шуршит по крышам снеговая крупка...	55
Вот и дни атаки наступили...	56
В густом дыму пожаров даль седая...	57
Декабрь по дорогам гонит пургу...	58
Исковерканы взрывом пути полустанка...	59
Вот бомбами разметанная гать...	60

Песня смелых

Песня смелых	
Присягаем победой	65
Двое	68
.	

Радист Морозов	72
Дед Талаш	74
Гвардейцы	77
Вперед, богатыри, вперед!	79

Кровью сердца

Когда мы в поле, на ветру стоим...	80
Обходя караулы, к снегам припадая...	84
Мой сын синеглазый!..	85
Стали в августе ночи длинные, темны...	86
Ветер в чаше лесной поет...	88
Бьется в тесной печурке огонь...	89
Устали... Отчаянный выпал денек!..	90
В полях ревет, по-волчьи зла, седой пурги труба...	91

Редактор *А. А. Файкина*

Подписано к печати 28 I 1942 г. Л6782.

3 п. л. (51 000 зн. в п. л.).

1,77 уч.-изд. л. Тир. 30 000. Зак. № 101.

Цена 1 р. 50 к.

Фабрика юношеской книги изд-ва
ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».

Цена 1 р. 50 к.